Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.06.2025 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2025-6-37-50

ПОДОСИННИКОВА Людмила Анатольевна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин
Российского университета адвокатуры и нотариата
им. Г. Б. Мирзоева, Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ПРАВОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *В данной статье дано теоретическое объяснение национальной безопасности в свете развития внутреннего правового суверенитета. Невозможно оспорить тот факт, что эффективная правовая система, построенная на основе национальных ценностей и учитывающая их специфику, является не только инструментом регулирования общественных отношений, но и важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности. Существующие взгляды на данную научную проблему, не имеют достаточного теоретического объяснения. Особенно это касается теоретико-правового обоснования национальной безопасности в связи с формированием правового суверенитета, который диктует свой понятийно-смысловой дискурс. В юриспруденции данное понимание национальной безопасности в контексте формирования и защиты внутреннего и внешнего правового суверенитета в Российской Федерации имеет свои особенности и практическую актуальность, и должна быть наполнена собственным смысловым содержанием.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, правовой суверенитет, конституция, правовое государство, традиционные ценности.*

PODOSINNIKOVA Lyudmila A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Advocacy and Criminal Law Disciplines
of the Russian University of Advocacy and Notary
named after G. B. Mirzoev,
Moscow, Russia

NATIONAL SECURITY AS A RESULT OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGAL SOVEREIGNTY

Annotation. *This article provides a theoretical explanation of national security as a result of the development of internal legal sovereignty. It is impossible to dispute the fact that an effective legal system based on national values and taking into account their specifics is not only an instrument for regulating public relations, but also an essential factor in ensuring national security. The existing views on this scientific problem do not have a sufficient theoretical explanation. This is especially true of the theoretical and legal justification of national security in connection with the formation of legal sovereignty, which dictates its own conceptual and semantic discourse. In jurisprudence, this understanding of national security in the context of the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation has its own characteristics and practical relevance, and should be filled with its own semantic content. In jurisprudence, this understanding of national security in the context of the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation has its own characteristics and practical relevance, and should be filled with its own semantic content.*

Key words: *national security, legal sovereignty, constitution, rule of law, traditional values.*

Осмысление внутреннего правового суверенитета через призму правовой культуры и национальных традиций, логически подводит нас к рассмотрению его влияния на национальную безопасность. Невозможно оспорить тот факт, что эффективная правовая

система, построенная на основе национальных ценностей и учитывающая их специфику, является не только инструментом регулирования общественных отношений, но и важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности. Способность государства самостоятельно формировать правовое поле, адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы, защищать свои интересы и обеспечивать стабильность напрямую зависит от уровня развития его внутреннего правового суверенитета. Поэтому переход к рассмотрению национальной безопасности как результата развития внутреннего правового суверенитета является естественным и необходимым шагом в нашем диссертационном анализе.

Рассмотрение национальной безопасности как результата развития правового суверенитета целесообразно предварить уточнением этого понятия. До настоящего момента времени термин «национальная безопасность» не получил единообразного понимания в юридической и политической науках. В частности, Н.П. Патрушев отмечал, что в российском законодательстве и научной литературе «пока не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации» [1, С.3].

А.В. Степанов предлагает понимать под национальной безопасностью «государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных сферах» [2, С.13]. Анализ этого подхода позволяет констатировать институциональный ракурс рассмотрения понятия. Для автора это, прежде всего, такой институт, для надлежащего функционирования которого требуются определенные административные и правовые механизмы, чья слаженная работа позволяет реализовать национальную безопасность государства.

Противоположным в понимании национальной безопасности является объектный подход, согласно которому понятие нужно рассматривать как совокупность условий состояния объекта, то есть интересов национальной безопасности. С.Ю. Чапчиков понимает под ней «состояние защищенности личности, общества и государства от широкого спектра внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие государства» [3, С.14].

На конституционном уровне безопасность определяется в качестве предмета, находящегося исключительно в ведении Российской Федерации (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). Общественная безопасность относится к предмету, который находится в совместном ведении федерального и регионального уровней государственной власти (п. «б» ст. 72) [33].

Подобное распределение полномочий указывает на то, что безопасность как таковая рассматривается на конституционном уровне в качестве синонима национальной безопасности, обеспечение которой может осуществляться только государством в целом. Отдельные же виды безопасности вполне могут обеспечиваться совместными усилиями федеративного государства и субъектов федерации. Понятие общественной безопасности является определяющим в плане формирования основ для решения возникающих перед государством правовых и организационных проблем национальной безопасности.

Состояние безопасности можно рассматривать как состояние защищенности (в нашем случае, как состояние защищенности общества). Д.В. Пивоваров возражает против слишком частого употребления понятия «национальная безопасность» и предлагает отказаться от излишнего расширения его содержания, делающего понятие, по сути, бессмысленным [4, С.37].

Излишне широкое употребление этого понятия некоторыми авторами связывается с некритичным заимствованием зарубежной терминологии без переноса на отечественную юридическую почву ее фактического содержания.

Понятие национальная безопасность «National Security» широко используется в США, Великобритании и других англоязычных странах, охватывая широкий спектр вопросов (защита от внешних угроз, терроризма, кибератак, а также поддержание экономической и политической стабильности). Термин «Internal Security (Homeland Security)», распространенный в странах Европейского Союза, подразумевает поддержание порядка и безопасности внутри страны, борьбу с преступностью, контроль границ, предотвращение чрезвычайных ситуаций. В немецкой правовой системе термин «Öffentliche Sicherheit» близок к понятию «общественный порядок» и охватывает защиту жизни, здоровья, свободы и имущества граждан, а также предотвращение общественных беспорядков.

«Ordre public» во французском праве обозначает общественный порядок и включает в себя совокупность основных принципов, на которых основано общество, а также используется в контексте ограничения прав и свобод граждан в целях обеспечения безопасности. В испанском праве «Seguridad ciudadana» можно перевести как «безопасность граждан», и он фокусируется на защите прав и свобод граждан, защите их от преступно-

сти и других угроз. Можно согласиться с Е.А. Макаренко в том, что изменение понятия национальной безопасности происходит в процессе развития общественных отношений [5, С.31].

Практика последних лет существования нашего государства показывает, что развитие общественных отношений в настоящее время значительно ускорилось по сравнению с предшествующим этапом развития российского общества, что требует соответствующего изменения используемой в этом плане терминологии. Понятие общественной безопасности связано с понятиями «национальная безопасность», «общественный порядок» и «общественное место». Важность обеспечения безопасности общества сомнений не вызывает, и, порой, даже рассматривается в качестве конституционного права человека.

Таким образом, деление безопасности на безопасность государства, безопасность общества и безопасность личности осуществляется по критерию объекта, жизненно важные интересы которого необходимо обеспечить в процессе осуществления соответствующих мер защиты. В свою очередь, деление на безопасность военную, политическую, экономическую или экологическую имеет в качестве критерия определенные виды (или сферы) жизнедеятельности, в которых участвует российское общество.

Действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [34] оперирует заметным разнообразием видов безопасности (экологическая, общественная, безопасность государства и личности), но не содержит их легальной дефиниции. Да и сам перечень является открытым, что создает потенциал для возникновения все новых видов безопасности (продовольственная, духовная, экономическая и проч.).

С.И. Гирько предлагает выделить четыре вида безопасности, исходя из классического разделения сфер общественной жизни на политическую, социальную, экономическую и духовную [6, С.23]. Данная типология вполне оправданна с академической точки зрения, но отстает от активно развивающейся нормативно-правовой базы, оперирующей намного более внушительным перечнем. Как было отмечено выше, национальная (государственная) безопасность, по всей видимости, является наиболее общим понятием, генерализующим в себе все остальные виды безопасности. В связи с этим К.Г. Прокофьев предлагает рассматривать общественную безопасность в качестве вида национальной безопасности [7, С.148-151].

Действительно, национальная безопасность является более широким понятием по отношению к общественной безопасности. Причины этого явления в следующем: 1) общественная безопасность предполагает наличие системы общественных отношений и осуществляется в общественных местах; 2) в большинстве случаев общественная безопасность осуществляется только при проведении массовых мероприятий или же при большом скоплении людей, в отношении тех граждан, которые находятся в общественных местах; 3) понятие «национальной безопасности» охватывает всех граждан, проживающих преимущественно на территории РФ, и осуществляется на постоянной основе, общественная же безопасность охватывает лишь тех граждан, которые находятся в общественном месте и связаны общественными отношениями.

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [35] определяет исследуемый термин как состояние защищенности человека и гражданина, духовных и материальных ценностей общества от преступлений и иных противоправных посягательств, межнациональных и социальных конфликтов, а также от последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Важно отметить объединение в данной дефиниции достаточно разнородных по своему составу предметов. Здесь имеют быть и ценностный аппарат как таковой, и защищенное состояние отдельного индивида, и защита от чрезвычайных ситуаций. Защита государства и правового суверенитета, также, со всей очевидностью, составляет предмет национальной безопасности. На сферу национальной безопасности оказывает влияние множество различных факторов: экономическая стабильность, политическая устойчивость, военная мощь и общественный порядок, формирование демократических институтов публичной власти, развитые институты гражданского общества, политический плюрализм.

Правовое обеспечение национальной безопасности традиционно рассматривается как важнейшее условие результативной управленческой деятельности в этой сфере. Д.Е. Баталов подчеркивает, что суверенное государство, «являясь политической формой организации общества, выступает в лице ведущего субъекта обеспечения национальной безопасности, что определяется основными функциями государства, к которым относятся охрана общественного порядка и обеспечение безопасности, человека и страны»[8, С.48]. Очевидно, что никакая управленческая деятельность не может осуществляться вне правового оформления. Однако это не единственный аспект понимания правового обеспечения национальной безопасности.

В.М. Редкоус, изучая обеспечение национальной безопасности как процесс установления определенных правовых режимов, отмечает необ-

ходимость «скорректировать содержание мер, направленных на обеспечение внешней политики и международной безопасности, экономической безопасности, научно-технического и научно-технологического развития, на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [9, С.24].

Учитывая факт формирования различных видов безопасности, необходимо выделить такие виды безопасности, как духовная и культурная. Культурная безопасность предполагает необходимость изучения динамики социокультурных изменений через анализ системы вызовов, рисков и угроз жизненно важным интересам человека. Сделать это достаточно сложно по причине постоянно увеличивающегося количества и многообразия угроз и опасностей. Поэтому осуществление культурной безопасности представляет собой процедуру сохранения и консервации национальной социокультурной идентичности конкретной личности и современного общества в целом. Причем происходит это в условиях глобального социокультурного взаимодействия элементов традиционного и инновационного в культуре.

Суверенное действие государства как творца формализованного права предполагает, как указывает И.В. Шевченко, на его способность «сохранить социокультурные потенциал общества, направленный на преодоление и прогноз различных опасностей, рисков и угроз, а также создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [10, С.209]. Духовная безопасность рассматривается А.В. Шуваловым «как защищенность человека от угроз его жизни и здоровью, достоинству и душевному благополучию, а также как комплекс мер, направленных на защиту человека, поддержание его психологического здоровья и положительного мировосприятия» [11, С.66].

Сегодня законодатель не использует эти термины. В п. 76 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [36] речь идет о выделении такого направления, как обеспечение национальной безопасности в области культуры. Вместе с тем, представляется, что сохранение истории, культуры, языка народа должно быть одним из приоритетов государственной политики. Такие задачи должны не просто декларироваться, но реально обеспечиваться. Справедливым можно признать утверждение А.К. Рожковой и И.В. Кочетковой том, что «среди многообразия сторон национальной безопасности важная роль принадлежит сохранению самобытности культуры и духовных ценностей народа» [12, С.69] и возрождению национальной идеи.

В п. 30 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплено, что одним из национальных интересов устойчивого развития на долгосрочную перспективу является «сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Культура является также стратегическим национальным приоритетом (п. 31). Действительно, «в условиях интенсивно нарастающей глобализации, государство должно обеспечивать не только безопасность своих границ, но и безопасность информационного и культурного пространства». Важно транслировать необходимость осознания собственной идентичности, отражающей самобытность российского народа. Данное обстоятельство, в свою очередь, служит основанием выделения дефиниции, которая бы отразила культурную, духовно-нравственную независимость, обособленность. Этот вывод ценен, поскольку позволяет обозначить связь между внутренним правовым суверенитетом и интересами национальной безопасности, которые обеспечиваются за счет возможности разработки суверенных управленческих решений в сфере права. Так, юридизация общественных отношений в сфере правовой охраны традиционных ценностей прошла путь от заявления Президента РФ в ходе объявления Послания Федеральному Собранию РФ о «явном дефиците духовных скреп» [37] до конституционализации традиционных ценностей в ходе принятия поправок к Основному закону страны в 2020 г.

В условиях глобализации общественных отношений актуальность защиты культурных, исторических и моральных основ нации обусловливает укрепление законодательной базы. Следовательно, правовое обеспечение традиционных ценностей в законодательстве Российской Федерации не только способствует их сохранению, но и становится основой для устойчивого развития общества в целом. Отсутствие же правовой защиты традиционных ценностей ведет к утрате национальной идентичности и эрозии духовных ориентиров. Без правового обеспечения не достигается сохранения традиционных ценностей, что представляет угрозу для культурного суверенитета государства. В связи с этим, формирование законодательства, отвечающего потребностям общества в укреплении традиционных ценностей, остается приоритетным направлением в работе законодательных органов российского государства. В академических кругах поддерживается тезис о влиянии традиционных ценностей на стабильность и развитие общественных и государственных структур, признается факт того, что, как указывают Д.А. Матанцев и А.В. Синельников, закрепление традиционных ценностей «является необходимой идейной и нормативной основой соответствующей политики государства» [13, С.215].

Так, коллектив авторов во главе с С.И. Захарцевым делает значимый вывод о том, что понятие «угроза суверенитету» фактически тождественно понятию «угроза безопасности», поскольку «общее между ними – однородная сущность» [14, С.70]. В любом случае, угрозы характеризуют собой какую-то опасность, то есть потенциальную или реальную возможность причинения вреда. Применительно к суверенитету вред предполагает его нарушение или утрату, и, соответственно, частичное или полное разрушение условий и факторов, его формирующих и обеспечивающих.

В результате любая угроза для правового суверенитета также является и угрозой для национальной безопасности. Многие положения Конституции Российской Федерации были разработаны с целью предотвратить возрождение ее статуса в роли ведущей мировой державы. Как указывает Л.А. Мусаелян, «Конституция писалась в ускоренном темпе единомышленниками Президента при активной консультативной помощи зарубежных специалистов», в ней просматривается «влияние французской, американской конституций» [15, С.9]. Одним из ключевых моментов является запрет на установление государственной идеологии, которая могла бы объединить нацию и иметь ключевое влияние на общественную жизнь. С одной стороны, этот запрет направлен на обеспечение равенства всех граждан перед законом и предотвращение возможного злоупотребления государственной властью в целях пропаганды определенных идей. С другой стороны, ограничение на принятие государственной идеологии в конституции является гарантией того, что государство будет оставаться открытым для разнообразия мнений и уважения прав человека.

При этом включение в законодательство Российской Федерации механизмов контроля деятельности лиц, подверженных иностранному влиянию, было оправданным шагом из-за опасности ослабления правового суверенитета страны. Десятки тысяч неправительственных организаций, действующих на территории России в интересах США, представляют потенциальную угрозу национальной безопасности нашей родины. Раскрытие деятельности неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа и осуществляющих политическую деятельность на территории Российской Федерации, требует комплексного подхода и соответствующих правовых мер. Одна из основных задач законодательства в данном случае – укрепление национальной безопасности и защита суверенитета страны от внешних воздействий, поскольку, как указывают В.М. Шамаров и П.В. Шамаров, «суверенная государственность не может являться частично-фрагментарной или неполно-выборочной, а должна быть единственно абсолютной, всесторонней и всеобъемлющей» [16, С.95].

Это вполне обоснованное заключение, так как ослабление внутреннего правового суверенитета, во-первых, не может не отражаться негативным образом на способности государства обеспечивать свою национальную безопасность, а во-вторых, ослабление национальной безопасности влечет за собой понижение способности государства к принятию независимых решений в сфере права. А.А. Дегтярева прямо указывает, что «интересы обеспечения национальной безопасности требуют принятия мер, направленных на недопущение деструктивной деятельности российских организаций, осуществляющих политическую деятельность в интересах зарубежных источников» [17, С.181].

В данном контексте контроль деятельности неправительственных организаций, осуществляющих политическую деятельность с иностранным финансированием, становится необходимым шагом для обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета Российской Федерации. Следует также оценивать качество конституционно-правового обеспечения национальной безопасности в каждом государстве, так как от него зависят направления государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и ее формирования, наделение уполномоченных органов соответствующей компетенцией, а также решение целого ряда иных вопросов. Несколько иначе соотношение правового суверенитета и национальной безопасности понимает А.А. Кокошин, который указывает, что «суверенитет каждого государства имеет относительный характер вследствие многочисленных международных обязательств государств, облеченных в нормы международного права» [18, С.10]. Это позволяет отметить, что обеспечение национальной безопасности связано с возможностью принятия суверенных решений в области права. В результате связь между правовым суверенитетом и обеспечением национальной безопасности приобретает характер прямой пропорции.

Для сферы обеспечения национальной безопасности государства таким документом является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия национальной безопасности) [38]. Она играет ключевую роль в формировании государственной политики по укреплению внешнего правового суверенитета. Подобные документы определяют стратегические приоритеты и цели государственной безопасности, а также методы и механизмы их достижения. Они являются основой для выработки стратегий

по защите интересов России на международной арене и укреплению ее положения как суверенного государства.

Концептуальный этап в формировании правовых основ национальной безопасности РФ начинается с принятия первых концептуальных правовых актов в сфере национальной безопасности и в области внешней политики государства. Они, как это становится понятно при ближайшем рассмотрении, не только не дублируют друг друга, но уточняют и дополняют государственную политику в многоплановых вопросах национальной безопасности. Среди важнейших документов, отражающих систему взглядов на содержание, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности России, безусловно, центральное место принадлежит Концепции внешней политики [39].

Если выражаться точнее, то концепциям, поскольку за время существования современного российского государства, определяющего свой курс и политику национальной безопасности в окружающем мире, через короткие промежутки времени было принято шесть уточняющих друг друга концептуальных документов. Безопасность – явление системное, поскольку для нейтрализации возникающих угроз и предотвращения возможного ущерба требуется комплексное противодействие. Безопасность на конституционном уровне определяется в качестве исключительного предмета ведения Российской Федерации (п. «м» ст. 71 Конституции РФ [40]).

Военная доктрина не оперирует понятием национальной безопасности, хотя оно присутствовало, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (ныне утратившей силу) [41]. В общетеоретическом смысле безопасность трактуется как особое состояние защищенности, характеризующееся отсутствием вреда от внутренних или внешних угроз. В практическом безопасность смысле может пониматься как деятельность субъекта, направленная на обеспечение возможностей выживания, развития и свободы реализации своих интересов в конкретных условиях. Эта деятельность осуществляется путем использования благоприятных обстоятельств (возможностей), принятия вызовов, минимизации риска и противодействия (предотвращения) всем видам опасностей для себя и своих интересов.

Военная безопасность, являясь неотъемлемой частью национальной безопасности, воспринимается как важнейшая ценность, потребность и приоритетная цель функционирования государства, отдельных лиц и социальных групп.

Стратегия национальной безопасности четко обозначает роль правовых инструментов в деле укрепления «суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления» (п. 1).

Прежде всего, она обозначает ведущую роль Конституции Российской Федерации как Основного закона страны в деле обеспечения интересов национальной безопасности (п. 1). Укрепление ее осуществляется с опорой на обширную нормативно-правовую основу, разработанную в целях обеспечения интересов Российской Федерации в соответствующей сфере (п. 4). Стратегия национальной безопасности констатирует шаткое положение основных международно-правовых институтов, размывание норм международных соглашений, что приводит к демонтажу выстроенной системы международного права (п. 17). Это означает, что перед правовым суверенитетом Российской Федерации встает задача построения обособленной системы правовых актов, способных обеспечить защиту национальной безопасности в условиях распада привычной системы международного права.

В числе интересов национальной безопасности называется защита конституционного строя, что также требует укрепления правового суверенитета (п. 25). Широкий перечень задач в области информационной безопасности, обороны страны, народосбережения и проч. требует разработки и претворения в жизнь независимых управленческих решений в сфере права. Таким образом, на стратегическом уровне в законодательстве Российской Федерации можно проследить связь между внутренним правовым суверенитетом и национальной безопасностью.

Концепция правового суверенитета предполагает самостоятельность и независимость государства в принятии и реализации внешнеполитических решений. Только обладая полным контролем над своими правовыми нормами и законами, государство способно эффективно защищать свои интересы на международной арене. Подтверждается эта связь и юридической доктриной [19, С.5].

Внутренние угрозы для национальной безопасности, а, следовательно, и для внутреннего правового суверенитета представляют собой совокупность условий, факторов и действий, негативно воздействующих на нормальное функционирование институтов публичного управления, нарушающих гражданский мир и согласие, провоцирующих риски для политической стабильности и мирного существования людей внутри государства.

Как отмечает В.К. Белозеров, конкретизация стратегии национальной безопасности в право-

вых актах на различных уровнях является критически важной и возможной только при условии независимости государства в принятии правовых решений [20, С.20-34]. Следовательно, ограничение правового суверенитета, внешний контроль над юридическими прерогативами государства подрывают его способность защищать национальные интересы, делают его уязвимым перед внешними воздействиями. Внутренний правовой суверенитет выступает необходимым условием для эффективного правового обеспечения национальной безопасности. Отмечают роль правового суверенитета в обеспечении национальной безопасности в контексте действия Стратегии Е.В. Емельянова и А.В. Петрянин. Они связывают способность России противостоять внутренним и внешним угрозам с планомерным развитием «отраслевых законодательств, также принимающих участие в решении поставленных в Стратегии задач» [21, С.15].

Нормотворческая позиция разработчиков Военной доктрины исходит из рассмотрения внутренних военных опасностей сквозь призму деятельностного подхода. Именно деятельность, а не отдельные действия формирует внутренние военные опасности, в то время как конкретные практические действия, то есть, противоправная активность соответствующих субъектов становится внутренней военной угрозой. Если управленческий аппарат государства принимает неверное решение по нейтрализации внутренней военной опасности, то она трансформируется во внутреннюю военную угрозу.

Деятельность, рассматриваемая на доктринальном уровне, носит подготовительный характер и направлена на провоцирование внутренней розни, разжигание социально-политических конфликтов, выступающих средой для актуализации внутренних военных угроз. Чтобы доказать, что интересы национальной безопасности государства требуют укрепления внутреннего и внешнего правового суверенитета, необходимо, прежде всего, обратить внимание на важность соблюдения международного права и уважения суверенитета страны со стороны других государств. Поддержание внешнего правового суверенитета является ключевым моментом в обеспечении безопасности государства, так как это позволяет, как указывает Ю.В. Пазюк, «окончательно определиться с пониманием места и роли России в мировом сообществе» [22, С.127-136].

Укрепление внутреннего правового суверенитета означает увеличение возможностей государства принимать самостоятельные решения по внешнеполитическим вопросам и защищать свои интересы на международной арене. Отказ от этого принципа может привести к ущемлению интересов государства и нарушению его безопасности. Новые риски для национальной безопасности и внутреннего правового суверенитета создают передовые технологии воздействия на общественное сознание. Среди них первостепенное значение имеет фактор современных когнитивных войн. Многие авторы считают, что сегодня мировой порядок диктуется политикой трех стран: Соединенных Штатов, Китая и России. Так, Ю. Морозов показывает подходы России и США к геополитике и стратегии в регионах мира с учетом влияния Китая [23, С.8].

В этом свете необходимо принимать во внимание генезис нетрадиционных методов конкуренции государств, применение которых возможно в формате когнитивных войн и тиражирования экстремальных форм развития внутриполитического процесса для дестабилизации внутренней обстановки государства-конкурента. Под экстремальными формами политического процесса следует понимать неконвенциональные формы политико-правового процесса. Их природа предполагает выход за границы конституционного пространства путем использования нелегитимных форм политической борьбы (путч, восстание, заговор, переворот, революция, терроризм). Данное понятие охватывает собой и те формы политического процесса, что не имеют правовых ограничений и запретов, хоть и входят в практику взаимоотношений субъектов политики.

В настоящее время под термином «когнитивная война» понимается применение информационно-психологического оружия на индивидуальном и групповом уровнях с задействованием возможностей Интернета, смартфонов и ноутбуков [24, С.78].

Ее общими задачами считаются необратимое изменение сознания или дезориентация военно-политического руководства, социума и личного состава вооруженных сил определенного суверенного актора – объекта когнитивного воздействия. Это – нетрадиционная форма скрытых военных действий (подобных применению кибернетических средств) с целью воздействия на мыслительный процесс противника. Оно предполагает провоцирование предубеждений или рефлексивного мышления, искажающего и затрудняющего нормальное функционирование мозга и негативно воздействующего на алгоритм принятия адекватного управленческого решения. По сравнению с противоборством в киберпространстве, когнитивная война обладает гораздо более широкими возможностями, хотя этот термин, как указывает А.Н. Медушевский, «имеет ограниченное значение, поскольку новое качество войны определяется здесь не направлением воздействия, а, скорее, степенью его интенсивности, достигаемой технологическими инструментами» [25, С.90].

Все это представляет непосредственную угрозу для реализации следующих нормативных положений: Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 г. [42]; Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 г. [43]; Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [44]; Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [45].

Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [46].

Когнитивная война видоизменяет историко-культурное самосознание личности, ее традиционные и фундаментальные идеалы и ценности, смысловые ориентиры и цели. Она посягает на систему воспитания и образования и нормы общественного поведения и морали, а также подрывает доверие к органам государственной власти. Как указывает М.А. Савушкина, стратегия когнитивной войны «как формы воздействия на когнитивные способности человека и рациональную часть его психики напрямую связана с переходом к цифровому способу передачи информации и формированием нового типа мышления в условиях цифрового бытия» [26, С.24].

Из этого следует, что когнитивная война направлена на подрыв нравственных ориентиров. Они формируют мировоззрение российских граждан, лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и национального единства, общего культурного пространства и исторического кода нашей страны. Они проявляются в уникальном духовно-культурном и эволюционном развитии ее многонационального и многоконфессионального народа. При этом когнитивная агрессия не только искажает и разрушает привычное человеческое мировоззрение и традиционные морально-ценностные установки, но и провоцирует снижение способности населения к самоорганизации и сопротивлению, культивирует формирование в обществе асоциальных индивидуумов с неадекватным поведением и психическими патологиями. В результате, в ходе этого воздействия, как указывает А.С. Овчинский, «осуществляются более скрытые, замаскированные воздействия на сознание народов, сообществ, представителей элиты и лиц, принимающих такие решения, от которых может зависеть, скажем, судьба страны» [26, С.318].

Таким образом, результативность таких войн «определяется степенью контроля над когнитивно-информационной сферой – чем она выше, тем интенсивнее когнитивное доминирование над противником» [27, С.98].

Все вышесказанное предполагает использование юридического инструментария в сфере культурно-информационного и психологического противоборства изменению сознания человека. Хотя юридические средства и обеспечивают достижение определенного когнитивного эффекта, цель когнитивной войны не зависит только от технического фактора. В политико-юридическом дискурсе, как указывает В.И. Сазонов, «сущность ментальной безопасности выражается через состояние защищенности жизненно важных интересов (потребностей) личности, общества и государства от внешних и внутренних ментальных угроз [28, С.49].

Во многих случаях такие воздействия будут носить долгосрочный характер и варьироваться в зависимости от интенсивности. Можно предположить, что такого рода операции по-прежнему будут оставаться важным направлением политики, служа как государственным структурам, так и негосударственным субъектам в качестве средства достижения своих целей. Так, А.П. Алексеев и И.Ю. Алексеева отмечают, что этот вид войны предполагает «проведение операций против национальной воли», которые «направлены на то, чтобы усиливать страхи и опасения России, толкая страну на пути, где она надорвет свои силы, как военные, так и экономические» [29, С.45].

Рост масштабов правовой неопределенности в эпоху когнитивных войн делает недостаточными традиционные формально-юридические способы интерпретации права, основанные на классическом позитивизме и реализме. Эти представления, по мнению ряда современных исследователей, оказываются статичными и не отражают динамики трансформации смысла ключевых правовых понятий в быстро изменяющемся социальном контексте.

Контроль над индивидами осуществляется с помощью технологий, ранее отработанных в коммерческой сфере и избирательном процессе, таких как аналитика поведения, искусственный интеллект, способность искусственных систем к самообучению и аналитика больших данных. Такой контроль не исключает и традиционных форм манипулирования информацией, понятиями и лингвистическими конструкциями в публичном пространстве.

Для юриспруденции эта новая реальность представляет собой вызов, требующий как теоретического осмысления, так и пересмотра методологических подходов. Принятие юридических решений часто предполагает применение открытых концепций, преодолевающих жесткие границы нормативизма. Когнитивные науки изучают как раз те психологические процессы, которые выходят за пределы должного и затрагивают

область предубеждений. Они связаны, в том числе, с иррациональным в природе человека. Юридическое мышление, следовательно, принимает во внимание такие факторы, как интуиция, воображение и язык, причем воображению отводится ключевая роль в связке между интуицией и языком.

В этом свете важно раскрытие когнитивного подхода к направленному конструированию социальной (правовой) реальности, представленного сегодня различными концепциями. Выдвигается, например, «теория когнитивного конструктивизма», выполняющая функциональную роль в поиске, классификации и анализе информации, формировании знаний и обучении на глобальном уровне [30, С.117].

А.Н. Медушевский понимает природу когнитивной войны как решение «задачи перепрограммирования сознания человека взломом разума и когнитивных способностей, трансформацией позиции общества по критически важным направлениям» [25, С.87].

Важной самостоятельной частью дискуссии о когнитивной войне становится правовой статус новых видов оружия, связанных с развитием искусственного интеллекта. В дело вступают новые методы противостояния, включающие применение широкого спектра технических средств косвенного и прямого воздействия на противника, помимо его физического подавления.

Основная проблема – трудность правового урегулирования применения подобных вооружений, находящегося в зачаточной стадии. Констатируется разрыв между эволюцией технологий и гуманитарным правом, который может стать фатальным в ходе войны в так называемых серых зонах (неурегулированных нормами международного права), если в них будет применяться данное оружие. Даже при существовании специального закона нельзя наказать техническую систему: невозможно обвинить робота, и бессмысленно привлекать его к ответственности за преступление, поскольку он не обладает свободой морального выбора.

Одновременно констатируется существенное расширение возможностей когнитивного воздействия с разработкой и применением в военном деле сложных цифровых алгоритмов принятия стратегических решений; нетрадиционных операционных областей; больших объемов данных и аналитических материалов; боевых операций нового типа; сложных игр и компьютерного моделирования в военной области.

Вышеуказанное объективирует распространение когнитивной войны на все социальные сферы, где используется цифровая информация, включая классические военные действия, мероприятия по ментальному истощению и меры по защите населения, подвергшегося когнитивному воздействию.

Таким образом, когнитивная война интегрирует не только процесс организации когнитивного нападения или атаки, но и превентивные меры и средства эффективного антикогнитивного противодействия (обороны). При этом западное экспертно-научное сообщество активно разрабатывает новые теоретические подходы и идеи по использованию спровоцированных когнитивным воздействием ментальных искажений и ошибок в интересах манипулирования человеческим восприятием и сознанием. Все указанное нацелено на трансформацию концентрации внимания человека посредством скрытого провоцирования мощных когнитивных стрессов, негативно влияющих на остроту ума, эффективность индивидуальной и групповой деятельности, традиционные социальные отношения, личностную и коллективную мотивацию и поведенческие алгоритмы. Зачастую дезинформация и манипуляции могут происходить при помощи анонимных аккаунтов в социальных сетях или специально созданных ресурсов, что затрудняет выявление таких угроз и противодействие им. Как указывает И.Б. Ломакина, «сам изменяющийся мир нуждается в нормативно-правовом оформлении и нормативно-правовом регулировании, осуществляемом с учетом, с одной стороны, требований времени, с другой – моральных принципов существования человека как носителя духовной и нравственной культуры» [31, С.106].

Третий раздел Стратегии национальной безопасности [47] озаглавлен как «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты». В нем прописано, что «с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе, прежде всего, является сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Также отмечается, что «на фоне реализации целенаправленной политики недружественных стран по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации». При этом основными факторами, определяющими положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, становится высокое качество человеческого

потенциала. Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются непрямые методы провоцирования долговременной нестабильности внутри Российской Федерации [32, С.47].

Неизбежно встает вопрос о связи между такими угрозами для национальной безопасности, как когнитивная война, и правовым суверенитетом. В современном мире правовые инструменты все чаще используются для ведения когнитивных войн, направленных на воздействие на общественное сознание и формирование определенных представлений о нации. С помощью права могут быть навязаны ложные исторические и политические представления о нации, что в итоге может угрожать ее национальной безопасности.

Перечислим факторы укрепления внутреннего правового суверенитета в условиях изменяющих угроз национальной безопасности: 1) расширение инструментария противодействия опасностям и угрозам для внутреннего правового суверенитета; 2) генезис новых опасностей и угроз, характеризующихся беспрецедентным объемом вмешательства противника во внутриполитическую жизнь государства, требует разработки и внедрения новых инструментов (средств) противодействия данным факторам. Происходит это как в силу утраты традиционным инструментарием обеспечения военной безопасности его прежнего значения, так и интенсивного развития новых технологий противодействия обозначенным военным опасностями и угрозам для внутреннего правового суверенитета государства; 3) расширение числа субъектов, вовлекаемых в процесс укрепления внутреннего правового суверенитета государства.

Трансформация современного миропорядка и рост новых опасностей и угроз для внутреннего правового суверенитета государства требует более широкого вовлечения в процесс публичного администрирования субъектов внутреннего политического процесса. Прежние модели обеспечения военной безопасности, ориентированные на участие органов военно-политического руководства государства, уже не могут в полной мере обеспечить надлежащий уровень внутреннего правового суверенитета. Учитывая специфику и гибридный характер современных информационных и политический угроз для внутреннего правового суверенитета, к участию в публичном администрировании в данной области должны активнее вовлекаться органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и институты гражданского общества.

Интенсификация использования информационных и политических средств противодействия военным опасностям и угрозам для внутреннего правового суверенитета государства с надлежащим нормативно-правовым обеспечением порядка их отражения. Специфический характер современного военно-политического противостояния в условиях трансформирующегося миропорядка, а также активное использование гибридных инструментов требует применения не силовых методов противодействия, что достигается за счет расширения юридического инструментария в системе укрепления внутреннего правового суверенитета государства.

Таким образом, внутренний правовой суверенитет органично связан со способностью государства действенным образом обеспечивать эффективное управление, а также сохранять и поддерживать властное господство над всеми административно-территориальными единицами. Отсутствие этой способности приводит к ослаблению внутреннего правового суверенитета, поскольку государство, утрачивающее господство над своей территорией, лишается и возможности реализовывать свой правовой суверенитет. В подобные исторические моменты отсутствие должной централизации управления приводит к распаду государственности. Соблюдение норм и правил содействует укреплению национальной безопасности и предотвращению угроз со стороны как внутренних, так и международных субъектов права. Эффективная реализация правового суверенитета необходима для обеспечения интересов национальной безопасности, как на международном, так и на внутреннем уровне. Поскольку внутренний правовой суверенитет напрямую связан со способностью государства эффективно управлять и контролировать свою территорию, как мы показали ранее, логично перейти к анализу функций современного российского государства. Именно через реализацию своих функций государство формирует и защищает свой внутренний правовой суверенитет. Изучение этих функций позволит рассмотреть конкретные механизмы, посредством которых государство обеспечивает верховенство своей правовой системы, реагирует на внутренние и внешние вызовы, и, в конечном итоге, обеспечивает национальную безопасность.

Список литературы:

[1] Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). С. 3-12.

[2] Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 8-15.

[3] Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. … докт. юрид. наук. Курск. 2018. 412 с.

[4] Пивоваров Д.В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые сотрудниками полиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2017. 191 с.

[5] Макаренко Е.А. Национальная безопасность в контексте цифровизации общественных отношений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 1 (121). С. 30-36.

[6] Гирько С.И. Национальные интересы Российской Федерации и проблемные вопросы общественной безопасности // Современный юрист. 2023. № 4 (45). С. 20-31.

[7] Прокофьев К.Г. К вопросу об основаниях административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 148–151.

[8] Баталов Д.Е. Совершенствование нормативного правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 1 (84). С. 48-52.

[9] Редкоус В.М. Актуальные вопросы современного правового обеспечения национальной безопасности // Международный журнал гражданского и торгового права. 2022. № 1. С. 23-29.

[10] Шевченко И.В. К вопросу операционализации понятия культурная безопасность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 9. С. 198-212.

[11] Шувалов А.В. Духовная безопасность как фундаментальная основа психологической безопасности личности // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 1 (51). С. 65-73.

[12] Рожкова А.К., Кочеткова И.В. Правовые вопросы выделения новых видов национальной безопасности // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 2. С. 67-72.

[13] Матанцев Д.А., Синельников А.В. Традиционные ценности в конституционном преломлении // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 4. С. 211-217.

[14] Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 69-94.

[15] Мусаелян Л.А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 6-20.

[16] Шамаров В.М., Шамаров П.В. Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях Специальной военной операции России на Украине // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 95.

[17] Дегтярева А.А. К вопросу о правовом регулировании политической деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 180-189.

[18] Кокошин А.А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5-19.

[19] Кочесоков З.Х., Манкиева А.В. Государственный суверенитет и национальная безопасность на современном этапе // Вестник экспертного совета. 2023. № 2 (33). С. 3-7.

[20] Белозеров В.К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации. // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып.2 (843). 2021. С.20-33.

[21] Емельянова Е.В., Петрянин А.В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 10-16.

[22] Пазюк Ю.В., Ефимова В.П., Осипов С.Н. Идеология России в условиях противостояния Россия-Запад // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2023. Т. 73. № 3. С. 127–136.

[23] Морозов Ю.В. Подходы КНР, США и РФ в борьбе в сфере геополитики в регионах мира // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 1. С. 1-26.

[24] Григорьев В.Р., Ковалев В.И. Когнитивные воздействия как инструментарий ведения гибридной войны против России // Информационные войны. 2021. № 4 (60). С. 77-88.

[25] Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2 (19). С. 85-98.

[26] Савушкина М.А. Военно-политическая работа в условиях когнитивной войны // Военный академический журнал. 2023. № 2 (38). С. 22-26.

[27] Овчинский А.С. Угрозы информационной безопасности в условиях ментально-когнитивных войн // Информация и безопасность. 2023. Т. 26. № 3. С. 313-320.

[28] Сазонов В.И. Ментальная война: латентная агрессия и пути её стратегического сдержива-

ния // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2023. № 3 (22). С. 42-57.

[29] Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны // Философия и общество. 2021. № 4 (101). С. 39-51.

[30] Медушевский А.Н. Право в эпоху когнитивных войн: гарантии свободы мысли перед вызовом новых технологий манипулирования сознанием // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 1 (158). С. 110-137.

[31] Ломакина И.Б. Когнитивное измерение права: антрополого-правовой подход (постановка проблемы) // Криминалистъ. 2022. № 1 (38). С. 105-110.

[32] Воронов А.М. Стратегия национальная безопасности: угрозы и вызовы современной России // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2022. № 1. С. 46-49.

[33] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144 04.07.2020.

[34] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020 г.) «О безопасности» // Российская газета. № 295. 29.12.2010.

[35] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685) // URL: https://docs.cntd.ru/document/499059750 (дата обращения: 01.11.2021).

[36] Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27 от 05.07.2021 (ч. II). Ст. 5351.

[37] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 // Российская газета. № 287. 13.12.2012.

[38] Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27 от 05.07.2021 (ч. II). Ст. 5351.

[39] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 14 от 03.04.2023. Ст. 2406.

[40] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144 04.07.2020.

[41] Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. № 88. 19.05.2009.

[42] Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27 от 05.07.2021 (ч. II). Ст. 5351.

[43] Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. № 22 от 01.06.2020. Ст. 3475.

[44] Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024 г.) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. № 52 от 24.12.2012. Ст. 7477.

[45] Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. № 97с. 09.05.2018.

[46] Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. № 46 от 14.11.2022. Ст. 7977.

[47] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27 от 05.07.2021 (ч. II). Ст. 5351

Spisok literatury:

[1] Patrushev N.P. Osobennosti sovremenny`x vy`zovov i ugroz nacional`noj bezopasnosti Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 7 (127). S. 3-12.

[2] Stepanov A.V. Ponyatie kategorii «nacional`naya bezopasnost`»: teoretiko-pravovoj analiz // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2015. № 2 (28). S. 8-15.

[3] Chapchikov S.Yu. Konceptual`ny`e osnovaniya nacional`noj bezopasnosti i mexanizm ee obespecheniya: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. … dokt. yurid. nauk. Kursk. 2018. 412 s.

[4] Pivovarov D.V. Mery` obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax, posyagayushhix na obshhestvenny`j poryadok i obshhestvennuyu bezopasnost`, primenyaemy`e sotrudnikami policii: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk. 2017. 191 s.

[5] Makarenko E.A. Nacional`naya bezopasnost` v kontekste cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij // E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya. 2022. T. 2. № 1 (121). S. 30-36.

[6] Gir`ko S.I. Nacional`ny`e interesy` Rossijskoj Federacii i problemny`e voprosy` obshhestvennoj bezopasnosti // Sovremenny`j yurist. 2023. № 4 (45). S. 20-31.

[7] Prokof`ev K.G. K voprosu ob osnovaniyax administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya, posyagayushhie na obshhestvenny`j poryadok i obshhestvennuyu bezopasnost` // Social`no-politicheskie nauki. 2019. № 5. S. 148–151.

[8] Batalov D.E. Sovershenstvovanie normativnogo pravovogo regulirovaniya v oblasti obespecheniya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2022. T. 28. № 1 (84). S. 48-52.

[9] Redkous V.M. Aktual`ny`e voprosy` sovremennogo pravovogo obespecheniya nacional`noj bezopasnosti // Mezhdunarodny`j zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. 2022. № 1. S. 23-29.

[10] Shevchenko I.V. K voprosu operacionalizacii ponyatiya kul`turnaya bezopasnost` // Sovremenny`e issledovaniya social`ny`x problem (e`lektronny`j nauchny`j zhurnal). 2016. № 9. S. 198-212.

[11] Shuvalov A.V. Duxovnaya bezopasnost` kak fundamental`naya osnova psixologicheskoj bezopasnosti lichnosti // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psixologiya. 2020. № 1 (51). S. 65-73.

[12] Rozhkova A.K., Kochetkova I.V. Pravovy`e voprosy` vy`deleniya novy`x vidov nacional`noj bezopasnosti // Pravoprimenenie. 2020. T. 4. № 2. S. 67-72.

[13] Matancev D.A., Sinel`nikov A.V. Tradicionny`e cennosti v konstitucionnom prelomlenii // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2023. № 4. S. 211-217.

[14] Zaxarcev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Sal`nikov M.V., Tret`yakov I.L. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremenny`e ugrozy` i obespechenie nacional`noj bezopasnosti // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2016. № 12. S. 69-94.

[15] Musaelyan L.A. K voprosu ob otsutstvii v Rossii gosudarstvennoj ideologii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2022. № 55. S. 6-20.

[16] Shamarov V.M., Shamarov P.V. Suverennaya gosudarstvennost` kak osoby`j vid gosudarstvennosti v usloviyax Special`noj voennoj operacii Rossii na Ukraine // Voennoe pravo. 2023. № 1 (77). S. 95.

[17] Degtyareva A.A. K voprosu o pravovom regulirovanii politicheskoj deyatel`nosti nekommercheskix organizacij, vy`polnyayushhix funkcii inostrannogo agenta // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2020. № 2. S. 180-189.

[18] Kokoshin A.A. Nacional`ny`e interesy`, real`ny`j suverenitet i nacional`naya bezopasnost` // Voprosy` filosofii. 2015. № 10. S. 5-19.

[19] Kochesokov Z.X., Mankieva A.V. Gosudarstvenny`j suverenitet i nacional`naya bezopasnost` na sovremennom e`tape // Vestnik e`kspertnogo soveta. 2023. № 2 (33). S. 3-7.

[20] Belozerov V.K. Novaya strategiya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. // Vestnik MGLU. Obshhestvenny`e nauki. Vy`p.2 (843). 2021. S.20-33.

[21] Emel`yanova E.V., Petryanin A.V. Strategiya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: pereocenka sovremenny`x vy`zovov // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina. 2021. № 4. S. 10-16.

[22] Pazyuk Yu.V., Efimova V.P., Osipov S.N. Ideologiya Rossii v usloviyax protivostoyaniya Rossiya-Zapad // Trudy` Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2023. T. 73. № 3. S. 127–136.

[23] Morozov Yu.V. Podxody` KNR, SShA i RF v bor`be v sfere geopolitiki v regionax mira // Rossiya i Amerika v XXI veke. 2020. № 1. S. 1-26.

[24] Grigor`ev V.R., Kovalev V.I. Kognitivny`e vozdejstviya kak instrumentarij vedeniya gibridnoj vojny` protiv Rossii // Informacionny`e vojny`. 2021. № 4 (60). S. 77-88.

[25] Medushevskij A.N. Kognitivnaya vojna: social`ny`j kontrol`, upravlenie soznaniem i instrument global`nogo dominirovaniya (chast` 1) // Voprosy` teoreticheskoj e`konomiki. 2023. № 2 (19). S. 85-98.

[26] Savushkina M.A. Voenno-politicheskaya rabota v usloviyax kognitivnoj vojny` // Voenny`j akademicheskij zhurnal. 2023. № 2 (38). S. 22-26.

[27] Ovchinskij A.S. Ugrozy` informacionnoj bezopasnosti v usloviyax mental`no-kognitivny`x vojn // Informaciya i bezopasnost`. 2023. T. 26. № 3. S. 313-320.

[28] Sazonov V.I. Mental`naya vojna: latentnaya agressiya i puti eyo strategicheskogo sderzhivaniya // Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo. 2023. № 3 (22). S. 42-57.

[29] Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. Cifrovizaciya i kognitivny`e vojny` // Filosofiya i obshhestvo. 2021. № 4 (101). S. 39-51.

[30] Medushevskij A.N. Pravo v e`poxu kognitivny`x vojn: garantii svobody` my`sli pered vy`zovom novy`x texnologij manipulirovaniya soznaniem // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2024. T. 33. № 1 (158). S. 110-137.

[31] Lomakina I.B. Kognitivnoe izmerenie prava: antropologo-pravovoj podxod (postanovka problemy`) // Kriminalist``. 2022. № 1 (38). S. 105-110.

[32] Voronov A.M. Strategiya nacional`naya bezopasnosti: ugrozy` i vy`zovy` sovremennoj Rossii // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo prava i processa. 2022. № 1. S. 46-49.

[33] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. № 144 04.07.2020.

[34] Federal`ny`j zakon ot 28 dekabrya 2010 g. № 390-FZ (red. ot 09.11.2020 g.) «O bezopasnosti» // Rossijskaya gazeta. № 295. 29.12.2010.

[35] Koncepciya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 N Pr-2685) // URL: https://docs.cntd.ru/document/499059750 (data obrashheniya: 01.11.2021).

[36] Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 27 ot 05.07.2021 (ch. II). St. 5351.

[37] Poslanie Prezidenta RF Federal`nomu Sobraniyu ot 12.12.2012 // Rossijskaya gazeta. № 287. 13.12.2012.

[38] Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 27 ot 05.07.2021 (ch. II). St. 5351.

[39] Ukaz Prezidenta RF ot 31 marta 2023 g. № 229 «Ob utverzhdenii Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 14 ot 03.04.2023. St. 2406.

[40] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. № 144 04.07.2020.

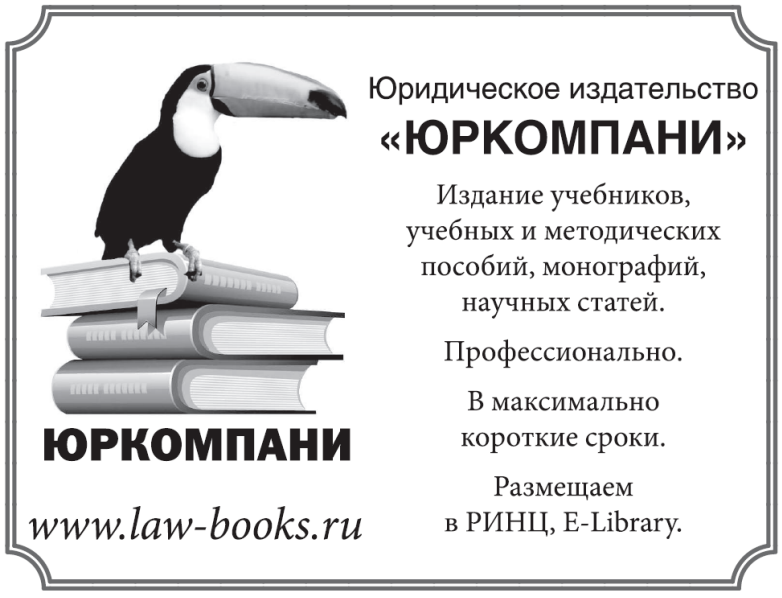
[41] Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. № 88. 19.05.2009.

[42] Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 27 ot 05.07.2021 (ch. II). St. 5351.

[43] Ukaz Prezidenta RF ot 29.05.2020 g. № 344 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 22 ot 01.06.2020. St. 3475.

[44] Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. № 1666 (red. ot 15.01.2024 g.) «O Strategii gosudarstvennoj nacional`noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 52 ot 24.12.2012. St. 7477.

[45] Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 g. № 204 (red. ot 21.07.2020 g.) «O nacional`ny`x celyax i strategicheskix zadachax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // Rossijskaya gazeta. № 97s. 09.05.2018.

[46] Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 46 ot 14.11.2022. St. 7977.

[47] Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. № 27 ot 05.07.2021 (ch. II). St. 5351/